
Господи, Господи, Господи, пишет тебе одно дурацкое тело.

Господи, я передумала, не нужно мне славы

Пушкина и Цветаевой,

А только нужно, чтоб не болело.

Тридцать два года болит, как ни выжаривай,

Как ни выкаливай.

Я намотала два экватора автостопом.

Мне помогало кормить котов

В городе южном, портовом,

Я отвлекалась, когда пишу, и написала семь книг баллад,

Я старалась не о себе.

И я завела кота, он на шпроту похож и лохмат,

И это лучшее, что было в моей судьбе

А маленькой-то мечтала быть вроде Пушкина и Есенина,

И стихи писала в тетрадке в клеточку,

Крупным почерком, и была я полем засеянным,

А выросла белена, шиповник да можжевелина,
И только мама всё пишет: «Ну как ты, деточка?».

Я очень взрослый кот, могу и кусь,
Могу уйти, и долго не вернусь.
И розов мой живот, и волос тонок.
Когда пою, то в музыку мой ритм.
Но - чешет мне живот, и говорит,
Что я котёночек. И я её котёнок.

Когда мы встретились, ей было двадцать шесть.
а мне «вапще» так мало, что не счесть.
Я влез на шею ей и говорил: «скавуль» я.
Такое слово грустное моё
Про жалобы на котское житьё.
И прыгал я ей на диван и стулья.

И подросла она. Ей тридцать три.
И я подрос, но у меня внутри
Пружина для игривого «напрыга».
Она же так смиренна предо мной,
Как осенью той, страшной, ледяной,
Когда я был ничей. И все даёт мне рыбов.

Посреди горячего лета, тополиного пуха,
Между пятиэтажкой и звоном ручья,
Я пишу, как проклятая, чтобы не съехать кукухой,
Ах, кукуха, кукушенька ты моя.

Говорят со мной надписи, говорят звери
На стене бара: «Достать седьмой патрон».
Одноглазый кот, что гуляет в сквере,
Намекает: «Подумай о револьвере
Благословен кто вооружен».

Уважаемый кот, проводите меня до дома,
Что-то нынче вконец мне худо одной.
Он подмигивает мне, как старой знакомой,
Отвечает: «Ладно, пойдём со мной».

Вот, мое безумие, «выкуси-накося».
На стене написано: «И это пройдёт».
Это очень страшное лето, но меня защищают надписи
И гуляющий со мной одноглазый кот.

Светлой памяти дедушке, говорят.
Обычно на День Победы, когда я вешаю
его наградные листы:
Орден Отечественной Войны, Орден Красной Звезды.
Точно, вспоминаю, глядя назад.
Дедушка умер, умер ещё в нулевых.
В последние дни забывал даже папино имя.
Похоронили, сказали: «отмучился»; взгляд и выдох
Скрылись за тополями пушистыми кучевыми.

Но говорят: светлой памяти. А так говорят про мёртвых.
А это неправильно, надо не так.
У смерти жёлтый оскал и слюнявая морда,
Но есть больше, чем пустота.

Я не бываю на кладбище, я знаю, что есть другое,
Я помню курское лето, полное золотого покоя,
И дедушку в яблоневом саду,
И Красную его звезду.

Я не знала, что такое домой.
Я жила в семи городах, и ни один из них не был домой.
Я влюблялась каждой весной.
Я выходила замуж, как в бой,

каждый раз думая о разводе.
Я входила в живые и мёртвые воды,
Выходя не мёртвой и не живой.

А потом мы встретились, и оказалось что это ты –
Не спасение от пустоты,
Но ты есть моё домой.
Где бы ты ни был, ты есть моё домой.
Домой, снившееся в бреду.
Я сто раз уходила и каждый раз возвращалась,
И больше я не уйду.

Потому что я человек, а не бездомный заяц,
Потому что время пришло просыпаться.
И стали зрячими мои пальцы,
Которыми я к тебе прикасаюсь.

Я не умею писать про счастье и не думала, что придётся,
но в этой холодной весне, где не хватает солнца,
мы производим огонь.
Тривиальная рифма – ладонь в ладонь,
взгляд вдогон.

Каждую весну я фиксирую, как появляются листья,
буквально веду дневник наблюдений,
запоминаю в метро незнакомые лица,
ни зачем, от нечего делать,
от избытка невысказанного, человеческого, тёплого,
от нежности ленинградского неба блеклого,
от любви,
о которой я совсем не умею сказать,
да и никогда не умела сказать,
чего тут вообще говорить, если Господь выдал нам глаза.

Тогда мы дотянули до весны.
Она случилась, как на горизонте
земля. Скорее, капитан, – весна!
Кораблик сыр, дыряв и полон трупов,
и у матросов началась цинга,
и паруса, похожие на тряпки,
висят, пробиты в нескольких местах.
Поди, зайдет такой красавец в порт –
так примут за Летучего Голландца.
Но всё же – дотянули до весны.

И сразу стало как-то не до слов.
Она пришла. И мы с тобой, за руки
держась, брели по брошенному парку,
где умирали старые качели,
а юная зеленая трава
ещё не прорастала, но уже
рождалась где-то там, под слоем грязи.

Пришла весна, и день стал равен ночи.
И наш корабль, пропахший иномирьем,
пришвартовался в бухте у причала,

и старая качнулась карусель.